

Список благодетелей

Культура. — 1997. — 24 апр. — С. 9

Анатолий МАКАРОВ

Программами, снятыми за рубежом, сейчас никого не удивишь. поголовно ставшие выездными, авторы попадают, заманивая с собой и нас, и в апартаменты "звезд", и в светские гостиные, и в притоны для наркоманов. Еще недавно чуть наметившаяся щель в заборе превратилась в нормальные ворота, чего еще желать? Еще бы и взгляда, соответствующего не щели, а нормальному проходу через открытую дверь, и мыслей, присущих не завистливому поглядыванию, а свободно-му общению свободных, думающих людей.

Теперь такое желание в немалой степени удовлетворено. Я имею в виду первую передачу из телевизионного авторского цикла Анастасии Вертинской "Другие берега". Прежде всего — точное название. И не потому, что изящно позаимствовано у Набокова, а потому, что продолжает тему, обозначенную его судьбой. Судьбой многих замечательных русских талантов, счастливо реализовавшихся на Западе. "Комплекс Европы" — он ведь естественно присущ русскому художнику. Вспомним невыездного Пушкина, невыездного Булгакова, нынешним художникам эти проблемы с паспортами уже незнакомы, но в духовном плане мучат по-прежнему. "Я не понимаю, почему мои самые лучшие русские работы сделаны во Франции, Италии и Германии", — признается в передаче Анатолий Васильев, загадочный гений нашей режиссуры, которому былую радость творчества, пережитую во времена гонений и запретов, намеков и эзопова языка, возвратила не русская, а зарубежная свобода.

Понять это на самом деле не так уж и сложно, но почувствовать и прочувствовать мало кто способен так, как Анастасия Вертинская. Дочь эмигранта, во время зарубежных контрактов безотчетно примерившая на себя его долю, "звезда", не имевшая возможности реализоваться в соответствии со своим потенциалом, она, должно быть, как никто ощущает эту раздвоенность русского артиста в отношениях с Родиной и границей. Эту любовь-ненависть, это притяжение и отталкивание, эту причастность и отторжение, эту невозможность выбрать что-то одно — ни уехать, ни остаться.

Внимательные зрители еще на заре телевидения догадывались, до какой степени качество любой, даже по-советски безличной программы, опреде-

ляется индивидуальностью ее ведущего. Теперь это общее место, но и в обилии авторских программ чаще встречаешься с амбициями, нежели с судьбой, с характером, с личностью, подлинность, которой очевидна с первого взгляда. "Подлинность" Вертинской оспорить, не ощутить — невозможно. Едва она входит в кадр, в некое обшарпанное московское парадное, со следами былой изысканности и забытого благополучия (тоже своего рода метафора обедневшей, разорившейся культуры), как тотчас становится очевидным, что только неподдельный человеческий масштаб, в сущности, дает право претендовать на полномочное авторство в телевизионном зрелище.

Журналистика ли это? В общем да, но только особая, позволяющая автору выступать не почтительным интервьюером, а суверенной державой, опять же доказавшей свое право не только задавать **такие** вопросы, но и **так** слушать. Явление ли это чисто художественного порядка? Несомненно, потому что сам диалог мастеров — его пластика, его паузы, его подтекст — воспринимается как волнующая недосказанностью сцена из некоего неоконченного спектакля. А еще это способ нового самосуществления, мобилизующий одновременно и актерский дар, и женскую красоту, и рефлексию русского интеллигента. В дело идет все: сценическое мастерство, умение позировать, сниматься, служить моделью, а главное — смятенный дух, требующий не образа, не игры, а прямого высказывания.

Во время "Других берегов" вспоминал давнюю, полузабытую пьесу Юрия Олеши "Список благодетелей". Ассоциация понятная: там шла речь о русской актрисе Леле Гончаровой, которая не верит в истинность своего успеха на родине и стремится проверить его парижским дождем на Больших бульварах. А заодно и понять, что же важнее — перечень наших нестерпимых нравственных мук или конспект преимуществ, которых в родных стенах мы не замечаем? Испытание заканчивается трагически.

Вдруг представилось: Анастасия Вертинская в "Других берегах" — это же Леля Гончарова, которая вернулась домой. Убедившись и осознав, что список мук и список благодетелей существуют в нашей душе неразрывно.

И что другие берега, даже приблизившись, даже утратив очарование недостижимой тайны, все равно остаются другими берегами.

В этом ей блистательно помогли режиссер Саида Усманова и художник Юрий Купер. ●

На съемках передачи "Другие берега"